

Одесская "Зеленая лампа"

(Из воспоминаний)

Кто-то подметил, что из "южной Пальмиры" — Одессы — много вышло писателей, художников и артистов. Пожалуй, это наблюдение справедливо, и предлагаемые здесь беглые воспоминания служат в подкрепление этой мысли. А относятся они к сумрачному времени 1917-18 гг.

Начиная с февраля 1918 г., Одесса бурлила со свойственным ей южным темпераментом всевозможными страстями, и вплоть до 1921 г. была ареной бесчисленных политических авантур. И как раз в вихре пестрых и шумных событий, которые, казалось бы, исключали мирное служение музам, — в Одессе возникли поэтические кружки, театральные эксперименты, журналы и журнальчики, жизнь которых иногда измерялась неделями.

Вскоре после февральских событий, когда стала ослабевать и расшатываться жизнь Новороссийского университета, и студенты по уши погрузились в водоворот "весны русской революции", организовался студенческий литературно-художественный кружок. С первых же собраний он привлек большое количество интересующихся. Оказалось, что революционные волны не утопили художественную молодежь, а даже подхватили ее. В кружок шли и курсистки с Высших женских курсов, и консерваторцы, и политехники, и молодежь, не связанная с высшей школой.

Поначалу дверь была широко открыта для всех, и очень большая университетская аудитория-амфитеатр на Преображенской улице, где с разрешения добрейшего секретаря историко-филологического факультета проф. Е.П. Трифильева часто устраивались открытые вечера, — не могла вместить всех желающих.

Конечно, большинство читанного, спетого, сыгранного (раздобыли и пианино) — было очень зелено, неоригинально, было перепевами уже найденного в искусстве, но все было согрето искренним юношеским горением, все возбуждало горячие споры. Довольно быстро произошел естественный отбор: более одаренные и сильные объединились для устройства полузакрытых вечеринок кружка и примерно через год выпустили маленький Альманах стихов, который, вероятно, стал теперь библиографической редкостью.

Больше того: устроили конкурс на лучшие стихи и поднесли несколько десятков рублей пленявшей тогда всех нас поэтессе Зинаиде Шишо-

вой, напечатав ее милослепетавшие стихи на первом месте. И не угадали — не ей жизнь сулила пальму первенства. В тот период в составе кружка были: Георгий и Вадим Долиновы, Эмилия Немировская (рано и мучительно скончавшаяся), Бор. Бобович, занявшийся впоследствии мелкой журналистикой в Москве, ярко выраженный и страстный поэт-сионист Файнберг (след его простыл), Еф. Бриль, говоривший о своих ультраинтимных стихах, что он их читает даже самому себе шепотом, а позже превратившийся в довольно громкого провинциального режиссера, хорошенькая Анта Дуничевская, жеманно писавшая о себе:

"Мой зыбкий профиль прерафаэлитки
Чертите вы в сиреневый альбом...",

скромная, но глубокая Свирчевская <...> и студент-юрист первокурсник Юрий Олеша, только что вернувшийся с германского фронта юный Валентин Катаев и поэтесса Аддалис, поражавшая всех своим ориентализмом, вплоть до острых коричневых ногтей — <примкнули к тесному сотовариществу>.

Узкие собрания устраивались у радушного Вани Мунца, сына голландского консула. Появлялся там как желанный гость, без нескольких передних зубов, прищепывавший Эдуард Багрицкий, напоминавший по внешности матроса. Багрицкий был старше годами, уже стал печататься, но не задира нос, а охотно и блестяще читал свои поэмы (у него и лирические стихи превращались в поэмы), широко размахивая рукой, подчеркивая музыку стиха, особо скандируя. Впрочем, мелодика, напевность, игра неожиданных, изысканных рифм — это было заботой всех участников, тонко разбиравшихся в стихотворных тайнах. Единства направлений в кружке не было: одни отдавали дань символизму, другие уже почувствовали прелесть акмеизма, третьи — считали себя неоклассиками.

В то время в Одессе пребывали и сложившиеся уже в литературную величину Ал. Биск, Георгий Шенгели, Вен. Бабаджан, существовал поэтический кружок "Бронзовый гонг", к которому, если не ошибаюсь, тяготел Эд. Багрицкий. Студенческий же кружок, после издания своего сборника, произвел в своих рядах "чистку" и переименовал себя в "Зеленую лампу".

"Зеленая лампа" — название обязывающее, напоминающее о поэтическом содружестве пушкинской поры под таким же именем.

В 1918 году обнаружилось преимущественное тяготение "кружков-

цев" к строгой классической форме, к ясности мысли и, отчасти, даже к пушкинской тематике.

Может быть, до некоторой степени Багрицкий своими стихами о Потемкине и Матушке-Екатерине (становление Новороссийского края) — толкнул на тот путь и Ю. Олешу и Анатолия Фиолетова (причудлива была судьба того талантливого еврейского юноши с очень утонченной наружностью, и очень глубокими и нежными стихами: он служил в уголовной полиции и был вскоре убит во время погони за бандитами). В силу своей одаренности выдвигались на первый план в "Зеленой Лампе" Вал. Катаев и Юрий Олеша.

Из Катаева, что называется, "перло": он писал что угодно, и стихи, и очерки, и рассказы. Печататься приходилось в "Южном Огоньке", существовавшем около года (при тех разных хозяевах) и внешнею подделывавшемся под дореволюционный.

Катаев все еще ходил в военных рейтузах и френче, весело щурил монгольские глаза, походя острил и сыпал остротами. Всегда шумливый, категоричный, приподнятый, он любил читать свои стихи, тоже приподнятые, патетические. И когда начинал читать, глаза его расширялись, голос звучал сочно и глубоко:

"Душа полна, как звучный водоем,
Как парус, вздутый ласковым порывом,
Как облако над солнечным заливом,
Как майский сад, цветущий под дождем..."

(“Венок сонетов”)

Да, душа его была полна тысячью образов, сердце его было раскрыто для больших чувств. Не связанный никакой доктриной, жадно наблюдавший каждый уголок жизни, раздувающимися ноздрями вбиравший в себя запахи степи, моря, ветра, цветов, одесских расплавленных летом тротуаров, — он отзывался на все, принимал все, беря жизнь без переделки, такой, как она есть; Олеша же часто бунтовал против реальности и фантазировал. Ему доставляло особое удовольствие переиначивать реальность, переделывать ее по-своему, и любимым задорным восклицанием было у него:

— А если бы все было наоборот?!

Реальность у него преображалась иной раз в символику.

Когда группа "Зеленой Лампы" в начале лета 1918 г. поехала на гас-

роли, совместно с превосходными певцами — итальянцем Де Нери и Ал. Горчаковым, и с молодой пианисткой Лившиц, в Елисаветграде был дан "поэзо-концерт", в конце которого Олеша отвечал мгновенными короткими стихами-экспромтами на многочисленные записки из публики. Три дня экстравагантничали участники гастролей на улицах и в ресторане. Олеша подговорил пишущего эти строки притвориться иностранцем, не понимающим ни слова по-русски, а сам исполнял обязанности "переводчика" и потешал всех окружающих и публику неожиданными замечаниями, нелепостями, и все это преимущественно в стихах. Радости его не было конца от этой детской проделки: он переиначивал жизнь, он как-то по-своему переставил элементы действительности!

Эти два разных устремления — у реалиста В. Катаева и сюрреалиста (как сказали бы теперь) Ю. Олеша — явственно сказались в их позднем творчестве (напр., "Белеет парус одинокий" — дань юношеским воспоминаниям Катаева; "Зависть" и "Три толстяка" Олеша — трансформация действительности).

Различие творческих устремлений никогда не было причиной ссор в "Зеленой Лампе", напротив, — ни на "поэзо-концертах", которые стали устраиваться для платной публики в зале консерватории, ни на дружеских вечеринках, по очереди организованных у членов содружества.

Однажды забралась на Пироговскую ул., далеко от центра, в квартиру отца-Катаева, учителя гимназии с внешностью старых русских бородатых интеллигентов; после чая ("зеленоламповцы" в ту пору не знали, что такое пьянство) бесконечно читали друг другу стихи и прозу, и среди присутствовавших молчаливо и скромно жался тоненький юноша-гимназист — Женя Катаев, приканчивавший остатки пирожных и печений на полуопустошенном столе, и никому не приходило тогда в голову, что это — будущий Евгений Петров, который, в содружестве с Ильфом, блеснет оригинальным творчеством в "Двенадцати стульях" и "Одноэтажной Америке"...

...Несколько строк из стихотворения З. Шишовой толкнули Ю. Олешу на создание небольшой — в 3-х картинах — стихотворной пьесы "Маленькое сердце".

Насколько мне известно, это был первый его опыт в драматургии. Стихи, конечно, были хороши, но фабула и техника пьесы были наивны, и спектакль, поставленный тоже в зале консерватории, не произвел большого впечатления на публику. Это <не> охладило автора, и он, как и Катаев, значительно позже обратился к творчеству для театра.

За какие-нибудь два года существования студенческого литературного кружка и "Зеленой Лампы" успехи поэтов были удивительны. Не по дням, а по часам совершенствовалось их мастерство. Они были взыскательны и к другим, и к себе.

Катаев обычно рубил с плеча, безжалостно критикуя слабые места. Олеша же, маленький, коренастый, ширококостный, задира дрыгающие ножки в несоизмерно больших ботинках, морщился не то от смеха, не то от боли, и жалобно стонал: "Ой, плохо! Ох, как плохо!"...

Как раз в этот финальный период совместных встреч он совершенствовал свой цикл стихов на пушкинские темы, писал о Моцарте и Сальери, о Дон Жуане, о Пиковой даме. Он настойчиво шлифовал каждую строчку, стремясь приблизиться к пушкинскому целомудрию стиха. Конечно же, не все выходило гладко, и он сам подвергался нашим нападкам, но ведь он учился тогда, учился настойчиво и трудно. Думаю, что эти его молодые опыты и малоизвестны, и затеряны в забытых журнальчиках, поэтому воспроизведу в отрывках одно из этих стихотворений, "Пиковая дама", где видны и сильные, и слабые стороны юного писателя:

"Швырнул шинель, вошел упруго,
Блестя в паркете. Игроки.
Затянуты затылки туго
В галунные воротники.

Идет. Слуга склоняет плечи,
В чулках и белом парике.
Клубится синий дым, и свечи
Коптят амуров в потолке.

— Здорово, Герман!.. Он поклона
Не замечает, подошел
И профилем Наполеона
Склонился и глядит на стол..."

Описывая встречу с "сиятельным кавалергардом" у "зеленого стола", который "рябит от карт", Олеша стремился передать скупой, но с предельной выразительностью ту напряженную и страшную тишину, когда началась мистическая игра:

"...Кто-то звякнул шпорой...
И оглянулся тот, который
В бокалы наливал вино..."

Герман грезил в азартном угаре о девушке:

"Почудилась улыбки прелесть
И плечи в бантах, взгляд...
И вдруг:
Чепец, трясущаяся челюсть
И вены исхудалых рук.

А после тягостно и прямо
Посмотрят мертвые глаза, —
И ляжет пиковая дама
Взамен счастливого туза!.."

При несомненных достоинствах целого, досталось поэту за несуразные строчки: "Слуга склоняет плечи, в чулках и белом парике" (плечи — в чулках и парике?!). Автор добродушно посмеивался, но так и не нашел удачного варианта, так и было напечатано.

Он был, в сущности, еще дитя тогда, но искренне горевал по поводу детской обездоленности в те оскудевшие уже годы. Приближалось Рождество, а магазины были полупустыми, по ночам слышна была перестрелка, Одесса становилась плацдармом сменяющихся властей.

И Олеша печалился:

"А, такое Рождество у нас,
Что детей, ей Богу, очень жалко:
Что осталось? Кубики да палка
С лошадиной мордою без глаз..."

Ему слышались детские невинные слезы, и он вопрошал:

"...Неужели
Из своей предвечной колыбели
Не услышит маленький Христос?"

НАШИ

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Прошло еще немного времени, и поэтические птенцы вылетели из одесского гнезда. "Зеленая лампа" кончила свое существование, выполнив задачу — помочь выявлению одаренной молодежи.

Разбрелись в разные стороны члены содружества. Кто стал врачом, кто юристом, учителем, а кто "просто вышел замуж", и только немногие упрочились в литературе. При позднейших встречах с этими немногими видно было, что поэтические искания "на заре туманной юности" казались им очень несовершенным, "нецелеустремленным" этапом, о котором вспоминается лишь со стыдливой улыбкой...

Но почему?.. И так ли это?

Комментарии

Данный текст воспоминаний П.Е. Ершова (1893-1965) был опубликован в нью-йоркской газете "Новое Русское Слово" 21 января 1951 г. Готовя его для перепечатки в Одессе, я внес несколько не имеющих принципиального, смыслового характера, изменений. Например, "Зеленая лампа" в заголовке заключил в кавычки, слово "лампа" в данном сочетании привел в тексте с маленькой буквы. У автора она везде — с прописной.

В абзаце, который начинается: "Больше того: устроили конкурс на лучшие стихи...", слова "примкнули к тесному сотрудничеству" я переместил в конец фразы. В газетном варианте они напечатаны — после "глубокая Свирчевская", перед — "и студент-юрист первокурсник Юрий Олеша". Решение о таком перемещении оказалось продиктовано логикой текста. Полагаю, что стилистическая оплошность возникла при наборе в типографии. Тем не менее, считая необходимым сохранить тут следы исправления, я — в первом случае — поставил в угловых кавычках многоточие, а во втором случае — все выделил такими же кавычками.

Некоторые явные опечатки мной исправлены без отдельных указаний. Во фразе: "Это не охладило автора..." — "не" выделено в угловых кавычках в качестве возможной версии. Все фамилии, имена, названия, указанные автором, сохранены в полном соответствии с первой публикацией.

Отмечу, к ряду деталей описанного тут времени автор вернулся позднее, в тексте "Одесская литературная колыбель" (Нью-Йорк, литературный журнал "Опыты", книга 8-я, 1957 г.).

Виталий АМУРСКИЙ
Париж

Татьяна ЦУРОВА

"Искры жизни" 276
